

Журнал "Огонёк" (<https://kommersant.ru/ogoniok>)

04.12.2005

Пропавшая грамота

Грамотность в России становится личным делом каждого

«Думая о русской орфографии, прежде всего преходит мысль отом што она усложнена. Это во многом прослабило рускую государственность. Четатель слишком много времени тратит на чтение книг и изучение правил, а так же заучивание стихов, а если-бы он посвятил это время совсем не такому бесполезному делу, то мы давно мы уже жили как люди». Ведь все понятно, правда? Даже веселей так читать

Дмитрий БЫКОВ

Реформа русской орфографии, о необходимости которой так много говорили сначала при Хрущеве, а потом в 1990-е, совершилась. При этом законодательно она пока никак не оформлена. Орфография начинает постепенно упраздняться сама собою. Она размывается. Ее уже почти не видно. Любая газета пестрит ошибками на «тся — ться», «н — нн», на слитное и раздельное написание «не» с прилагательными и

наречиями. Присоединение деепричастного оборота к безличным конструкциям («Глядя на эту картину, думается, что...») давно сделалось нормой.

С деепричастиями вообще творится нечто катастрофическое. «Наблюдая за прыжком, у вас возникнет вопрос» — это бы ладно, это спортивные комментаторы, которых называют прапорщиками телевидения. Но ведь и телеведущий Николай Николаев говаривал: «Посулив ему 50 000, договоренность была достигнута». С пунктуацией творится что-то невообразимое: запятыми обрастают даже такие невинные наречия, как «вчера». «Тем не менее» или «вообще» — это уж обязательно. Эта пунктуационная избыточность — черта нового времени, позднепутинского: при Ельцине запятые игнорировали вообще, свобода! Теперь их ставят везде где надо и не надо: страхуются от гнева незримого начальства. Стараются наставить как можно больше запятых, чтобы уж никто не подкопался. Это же касается страшной русской коллизии «н — нн»: в порядке перестраховки предпочитают удваивать это несчастное «н» повсюду. В нескольких сочинениях мне уже встретилось «воспитанн» и «прочитанн». И так во всем.

Орфография, ситуация с грамотностью в обществе — лучшее зеркало истинного состояния страны. Еще Достоевский предсказывал, что с упразднением «ятей» и «еров» все пойдет к черту. С упрощения русской орфографии началась послереволюционная культурная деградация; революции и оттепели вообще часто приносят с собой упрощения — и потому при Хрущеве мы чуть не получили написание «заец», максимально приближенное к фонетическому. Во времена закрепощений орфография соблюдается особенно строго, но следят за ее соблюдением люди глубоко некультурные, репрессивного склада — поэтому усвоение законов языка носит характер поверхностный и насильственный. Сегодня у нас идет процесс смешанный. С одной стороны, закрепощение — отсюда бесконечные перестраховки. Получение любой справки, пропуска или интервью обрастает тысячей ненужных запятых — как и официальная речь. С другой стороны, предыдущее двадцатилетие раслабухи и триумфального невежества привело к тому, что

культурная преемственность утрачена. Дети продолжают изучать в школах русскую литературу, но уже не понимают, зачем это надо. Им успели внушить, что знания — не залог совершенствования личности, но способ получить диплом или откосить от армии, а для жизни будет лучше, если ты быстрее забудешь все, чему учился.

*Татьяна для окружающих
как открытая дверь, в которую
может войти каждый*

«Хлестаков заводит шаржни с женой городничего». «Из-под стола вылезла помесь дворянки с таксой, спавшая на стручках». «Коробочка разводит птиц и разных домашних утварей». «Население духовно деградируется». «Лирический герой Есенина вместе со своим автором превращается в рьяного фаната революции». «В высших кругах Петербурга царят беззаконие и беспредел» (о «Петербургских повестях» Гоголя, не подумайте плохого). «Фирс не мыслит себя вне барина». «Татьяна для окружающих как открытая дверь, в которую может войти каждый». Бог с ними, с двусмысленностями и эротическими коннотациями. Дети путают утварей с тварями, шашни с шаржнями, понятия не имеют о том, что такое стружки и чем дворянка отличается от дворянки. Забвение правил — отнюдь не самое страшное: страшен распад языка, в котором половина слов уже незнакома, а другая — помесь жаргонизмов с англицизмами.

Я провел как-то опрос среди студентов — попросил прочитать хоть одно стихотворение наизусть. Некоторые помнили Хармса. Девочки начинали декламировать «Письмо Татьяны» и сбивались на десятой строчке. Кое-кто пытался хитрить, читая в качестве стихотворений тексты песен БГ и «Умытурман», но я решительно пресек жульничество. Почти все помнят по пять-шесть строчек из школьной программы, но это именно обрывки, обмылки, плавающие в вязкой среде современного подросткового сознания. Та же ситуация с орфографическими правилами: все помнят, что «не» с прилагательными пишется вместе в каких-то определенных случаях, но в каких, толком не

помнит уже никто. Да и перечислить части речи, общим числом 10, могут далеко не все. Почему-то обязательно забывают местоимение и междометие, да вдобавок путают их. Чтобы разобраться, зачем нужна орфография, я написал когда-то целую книгу, но одно дело — разбираться в перипетиях 18-го года, а другое — сориентироваться в новых реалиях. Я до сих пор не уверен, что детям нужно учиться грамоте. Я боюсь посягать на их время и умственную энергию. Я вижу вокруг явное и катастрофическое падение грамотности, но не знаю, хорошо это или плохо. Для меня — плохо, но, может, это потому, что я привык уважать себя за грамотность, а тут вдруг уважать себя стало не за что? Тоже мне добродетель.

В поисках ответа я добрался до любимой кафедры практической стилистики русского языка на журфаке. Когда-то именно преподаватели этой кафедры были для нас на родном факультете главной отдушиной: русскому языку они учили весело и ненавязчиво, цитаты для примеров подбирали лихие, полузапретные, а всеобщий кумир Дитмар Эльяшевич Розенталь, знавший русский язык лучше всех на свете, говорил на своих лекциях просто: «Если не знаете, как пишется — «здесь» или «сдесь», пишите «тут». Если, конечно, не додумаетесь написать «туд».

*Из под стола вылезла пачка
дворянки с таксой, ставшая
на стручках*

И на любимой кафедре мне объяснили следующее. Пункт первый. Грамотность в обществе, если судить по сочинениям и по уровню студенческих работ, не упала, а перераспределилась. Прежде более-менее грамотна была примерно половина населения, а то и две трети. Сегодня совершенно неграмотны процентов 70, а как следует умеют писать и говорить — процентов 30. То есть вместо среднего уровня появилась резкая поляризация — как, впрочем, и в материальной сфере. «Средний класс» в смысле орфографическом отсутствует так же, как и в имущественном. Причем самые

безграмотные дети, как свидетельствуют репетиторы, — дети высокопоставленных и просто богатых родителей: их сведения о русской реальности стремятся к нулю, поскольку большую часть времени они проводят либо за границей, либо за заборами элитных коттеджных поселков. А не зная жизни своей страны, нельзя знать и ее язык: половина понятий остается для тебя абстракцией. Стручки со стружками перепутал именно сын крупного олигарха. Он никогда не имел дела со стружками.

Пункт второй. Никакой врожденной грамотности не существует, это миф, а сама по себе грамотность формируется тремя факторами. Первый — зрительная память (человек много читает и запоминает образ слова). Второй — механическая память (рука запоминает, как слово пишется). И третий — знание правил, но это уже для сложных случаев, когда глаз и рука сомневаются. У тех, кто много читает и пишет, все виды памяти срабатывают механически, они не отдают себе отчета в этом и полагают, что грамотны от рождения. Тогда как наследуется только хорошая зрительная память (механическая — приобретается): вот почему так грамотны учительские дети... и дети разведчиков.

Так вот, вторая и главная составляющая — механическая память руки — сегодня решительно потеснена: компьютер, которым большинство детей владеет с детства, не предполагает начертания слова. Ударяя по клавишам, школьник не запомнит, как пишется слово «престижитатор». Только долго и тщательно выводя его рукой, вы запомните все изгибы этих «е» и «и», «т» и «д». Кроме того, компьютер сам хорошо умеет исправлять орфографические ошибки: в большинстве текстовых редакторов эта функция осуществляется автоматически. Пользователю необязательно задумываться — в результате об истинном уровне собеседника можно судить только по его электронным письмам. Один из моих сравнительно молодых начальников умудрялся писать довольно грамотные статьи, но, заказывая мне тексты, присылал почту с такими ляпами, что я поначалу принимал это за утонченную шутку.

Пункт третий. «Безграмотность — плата за свободу», как сформулировала однажды Евгения Николаевна Вигилянская,

автор лучшего на моей памяти учебника русского языка для абитуриентов. Раньше между автором и читателем стояла сплоченная армия научных редакторов, консультантов и корректоров. Иногда эти персонажи вторгались не в свою область, корежили стиль, лезли в авторское мировоззрение. Но когда они занимались своим делом, польза от них была огромная и несомненная. Сегодняшняя редакция чаще всего не может себе позволить содержать корректора. Оказаться без присмотра этой придирчивой публики оказалось еще страшней, чем внезапно лишиться патроната советской власти.

*Хлестаков заводит шаржи
с женой Гродниченко*

Даже в речениях и публикациях руководителей государства периодически встречаются конструкции «предпринять меры» (тогда как их надо принимать), «озвучить предложения» (тогда как озвучивают фильм, а предложения обнародуют или излагают вслух), «обсуждали о том, что» (ну, здесь понятно). О всяких «составляет из себя», «выливается на обществе» и «тех, кому зависят» я уж и не говорю: с управлением в русском языке вообще полная беда. «И не только в языке», как объяснили мне все на той же кафедре. Кризис управления в равной степени коснулся языка страны и ее государственной системы: служебные части речи, как чиновники, стоят не на своих местах. Их тоже слишком много, они бюрократически избыточны: «понимать о том», «обсуждать об этом», «период, о котором вы указываете», «означает о том», «заметил о том» — это все из речи первых лиц государства. Есть и еще одна проблема: в русском языке существуют так называемые глаголы сильного управления, обязательно требующие дополнения. В речи большинства государственных людей или бизнесменов они постоянно употребляются без существительных: мы договоримся (о чем?!), проплатим (что?), разберемся (в чем?). Мы озвучим, разрулим, выскажем. Что — не уточняется. Потому что все это — суета вокруг пустоты, утрата объекта, конец материи. Власть, обслуживающая сама себя. И орфография — истинное зеркало ее компетентности и тайная

проговорка о задачах: по любимому толстовскому выражению, ДЕЛАТЬ НИЧЕГО. Это, подчеркивал Толстой, гораздо хуже, чем ничего не делать.

*Коробочка разводит птиц и
разных домашних утварей*

У Кубрика в «Космической Одиссее» есть потрясающий эпизод — постепенное отключение компьютера. Огромная машина теряет рассудок, повторяется, вырождается на глазах — это отключается один блок памяти за другим. Нечто подобное происходит и с обществом, освобождающимся от условностей, поскольку только условности и имеют смысл. Сначала, как показывает практика, отмирают самые тонкие функции — правописание «не» с прилагательными и причастиями, следующей жертвой оказывается несчастное удвоенное «н», потом приходит черед пунктуации — двоеточия и тире испаряются, остаются только запятые. Наконец, полную деградацию обозначает путаница между «тсья» и «тьсья»...

Дело даже не в том, что наша речь неправильна. Дело в том, что наша нынешняя речь не предполагает уважения к собеседнику. То есть мы не хотим, чтобы он уважал нас за грамотность. Пусть уважает за что-то другое — за деньги, например, или за умение поставить этого собеседника на место. Знание орфографии, свободное владение цитатами, связная и богатая речь перестали быть критериями, по которым оценивается собеседник. И это самое серьезное последствие общественных перемен последнего двадцатилетия. Дело тут, как вы понимаете, не только в нищенской зарплате учителей словесности, а в нищенском статусе словесности как таковой, вне зависимости от госсубсидий. Впрочем, остались еще люди, для которых грамотность по-прежнему нечто вроде пароля, а знание наизусть тысячи стихов — вполне достаточный аргумент, чтобы влюбиться в этого знатока. Только количество этих людей вернулось к уровню, скажем, XVIII века — когда интеллигенция только-только начинала формироваться.

Ну и нормально. Не худший был век.
Может, он был еще и получше, чем времена поголовного
страха и столь же поголовной грамотности.